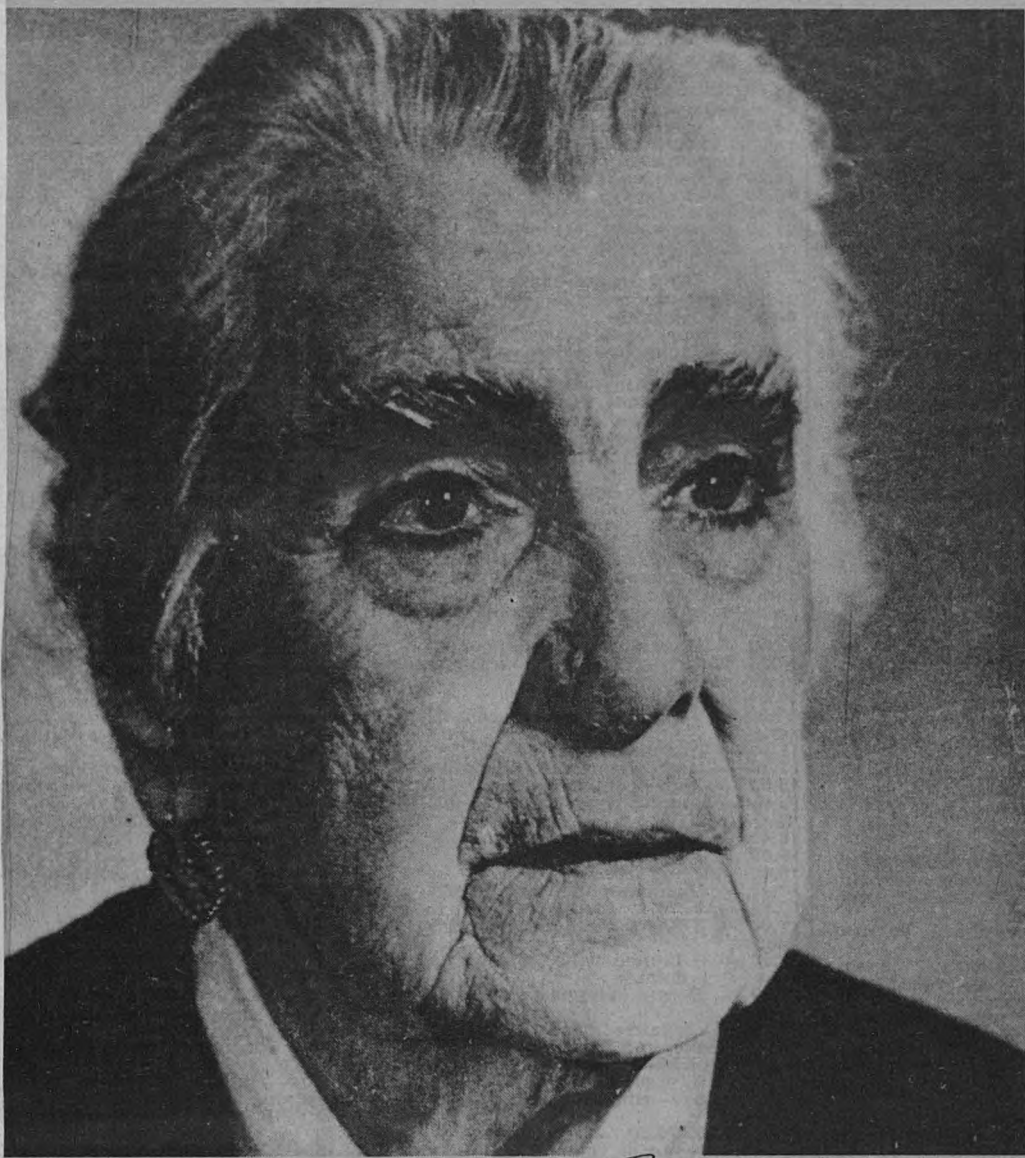

Елена ГОГОЛЕВА:

*Вст. кин. - 1992. -
- 12 сент. - с. 7*

"Мне 92, но это не значит, что я ни на что не годна и ничего не понимаю"

— Елена Николаевна, как сейчас дела в Малом театре?

— Да я ведь теперь как бы и не совсем в Малом... Я приезжаю только на один спектакль — «Холопы». Из худсовета меня вывели. Некоторые удивляются, когда узнают об этом, но Соломин сказал, что я не смогу приезжать. Что ж, может, и так. Я ведь хожу только с палкой... Как в театре? Понимаете, после ухода Царева нет авторитетного лица. Мне иногда просто чуждо, что там происходит. Моя эра прошла. И может быть, действительно, каждому времени свое. И все же, вы знаете, должна же быть какая-то романтика, красота. Я не вижу этого у молодежи. Недавно молодая актриса сказала мне: «Елена Николаевна, я так счастлива, так счастлива...» — «А что случилось?» — «Я влюблена. И мы так счастливы с моим новым мужем, мы едем с ним отдыхать». Что это?.. Нет, для меня это непонятно, я не так воспитана. Хотя справедливости ради должна сказать, что у меня есть немало друзей и среди молодежи. Они бывают у меня, мы засиживаемся за полночь, все спорим. О политике.

— ?!

— Сейчас вне политики просто невозможно существовать. Я, вот видите, обложилась газетами, смотрю по телевизору «Вести», «Новости». Мне 92 года, но это совсем не значит, что я уже ни на что не годна и ничего не понимаю. Слава Богу, посчастливилось получить замечательное образование в Институте благородных девиц на Пречистенке... на Кропоткинской, по-современному.

— Теперь уже снова на Пречистенке, Елена Николаевна.

— Ну, слава Богу. Мне так трудно было привыкать ко всем этим новым названиям. Я говорила по-старому.

— Елена Николаевна, лучше тогда было, в старину?

— Да! Вы знаете, все было так красиво.

— А ведь попечителем института, в кото-

ром вы учились, была Великая княгиня Елизавета Федоровна.

— Да, ныне причисленная к лику святых. Она приезжала к нам не раз, привозила подарки, книги. Тогда в моде была Лидия Чарская... Елизавета Федоровна была удивительно добрым человеком, какой-то свет исходил от нее. Мы делали реверанс, она пожимала руку девочкам постарше, а совсем юных целовала. Необыкновенная доброта светилась всегда в ее глазах. И она очень любила грибы, я это хорошо помню. Еще и потому, что раз в году нам приходилось готовить для парадного обеда или ужина, на который приезжала Елизавета Федоровна. Ведь из нас вовсе не готовили белоручек. Обучали и кулинарному делу под руководством шеф-повара, и рукоделию, и танцам, и иностранным языкам. Французский и немецкий были обязательными, а английский — по желанию. Образование давалось великолепное. Какие профессора! Богданов, Кравец... Был у нас и свой церковный хор, в котором я читала «Апостола», — у меня голос-то низкий. После института мы могли преподавать в начальной школе или быть гувернантками. Да, я забыла про уроки музыки. Я же занималась у профессора Селиванова, имевшего свою школу на Арбате. И после института тоже пробовала заниматься музыкой, но драма перетянула, в результате чего я и оказалась в Малом театре.

— Елена Николаевна, а Государя вам видеть доводилось?

— Один раз, но очень близко. Это было в год 300-летия династии Романовых. Мы с мамой отправились в Кремль. Тогда это было свободно. И царь от народа не прятался. От Красного крыльца — это там, где теперь столовая для депутатов, — был протянут помост до Успенского собора. И нам удалось пробиться к самому помосту, ведь никакой охраны не было. Тут я видела всех: и Государя, и Александру Федоровну, и всех Великих князей, и весь двор. Я смотрела

Гость «ВК»

с обожанием... Кстати, а вы знаете, что по соседству, тоже в Кремле, стоял прекрасный памятник Александру II — там, где сейчас Ленин, что ли... Александр II стоял во весь рост, рядом была ротонда с медальонами всех Романовых на потолке.

— Елена Николаевна, давайте вернемся к театру. Вопрос не очень приятный, но все-таки: у вас были недруги в Малом?

— Были. Сколько угодно. Одна актриса говорила: «Ах, Гоголева, такая красавица, такая красавица, но актриса, конечно, никакая». Вот так. Но были и друзья. Самые теплые отношения были с Подгорным. Это был замечательный артист и прекрасный человек, угасший во цвете лет, — его лечили не от той болезни. Он прекрасно знал искусство, всем интересовался, помню, звонил мне и сообщал, что можно посмотреть по телевидению интересные концерты, когда дирижировал Кароян. Он был мне родным человеком. И когда у него случилось большое горе, он с ним пришел ко мне. Мы говорили всю ночь. Еще очень теплые отношения были с Наташей Вилькиной. И с Виталием Соломиным. С ним все началось с «Мамуре». У нас там была большая центральная сцена. А я знала, что он меня не любил и ему все не нравилось, что я делала на репетиции. И я сказала ему: «Виталий Мефодьевич, вы человек новых веяний, новых форм. Я же — наоборот. Объясните мне, если я что-то не понимаю». Он тогда посмотрел на меня такими глазами... И с тех пор мы стали друзьями.

— А почему бы не возобновить «Мамуре»?

— Нет, это будут слезы. Борис Александрович Львов-Анохин (постановщик спектакля. — А. Ш.) хотел даже ввести новые мизансцены, упрощенные, но я не захотела. После перелома ноги это уже невозможно.

— Львов-Анохин ставил ведь не только «Мамуре», но и «Холопов», собирался, насколько я знаю, делать новый спектакль по воспоминаниям подруги молодости Байрона, тоже с вашим участием. Что-то помешало?

— Соломин сказал, что не ко времени.

— Он вас не любит?

— Да он не то что не любит, а просто ему лучше, если б меня не было. Я была против его избрания на XIX партконференцию. Может быть, он это вспоминает...

— Елена Николаевна, а вы были в партии?

— В прошлом году вышла. Не хочу платить им взносы. Кучка людей живет за счет народа. Мне, правда, говорят, что и Ельцин такой же. Нет, говорю я. И у меня есть доказательства. Его портрет у меня даже на письменном столе стоит.

— Многие считали, что вы — государственная актриса.

— Не знаю, почему меня не трогали. Уже в тридцатых годах я бывала на всех приемах в посольствах. Может быть, особо доверяли. Я была членом партии, была даже председателем месткома...

— Вы о чем-нибудь сожалеете?

— Я очень хотела сниматься в кино. Но я не была фотогеничной. Хорошенькой, да! Но не фотогеничной. Ну а потом, знаете, у каждого режиссера есть жена. А у меня никогда мужа такого не было. Много-много лет назад я пробовалась на роль Аэлиты. И даже прошла все пробы. Но сыграла Юлия Солнцева, которая была ученицей режиссера фильма Церетели. Ну в нескольких картинах я все-таки снималась. У Лукова — «Об этом забывать нельзя». Отрицательная была роль, но очень хорошая. Я играла стервозу, которая убивает Галана. Еще снялась в фильме «Две жизни».

— Итак, вся жизнь — только театр, почти только театр.

— Я всю жизнь в театре, никогда его не покидала, и вот оказалась не нужна. Правда, в течение нескольких лет я выступала на эстраде. Но потом случилось заболевание горла, и я уже больше как птица не выступала.

— Елена Николаевна, а ведь в будущем году уже 75 лет, как вы на сцене. Будете отмечать?

— Ну кому это нужно, скажите?.. Нет. Не хочу.

— Зрителям нужно. Ведь ваш выход в «Холопах» без аплодисментов не проходит.

— Ну было раза два и без аплодисментов. Ну что отмечать?.. 90-летие отмечалось, да. Стол тут раздвигали, масса гостей была...

— Елена Николаевна, а что вы скажете, если я спрошу вас о новых ролях?

— Если будет подходящая пьеса, в которой я могу играть, не вставая с кресла, — я готова.

Беседовал
Александр ШУНДРИН.